

Андрей ХАДАНОВИЧ

Перевод с белорусского Станислава Бельского

Андрей Хаданович (Минск, 1973) – белорусский поэт и переводчик. Преподаёт в Белорусском государственном университете историю французской литературы. Переводит с французского, украинского и польского. С 2008 года – председатель Белорусского ПЕН-центра. Автор поэтических книг «Лісты з-пад коўдры» (Київ, 2002), «Старыя вершы» (Минск, 2003), «Лісты з-пад коўдры» (Минск, 2004), «Землякі, альбо Беларускія лімэрыкі» (Минск, 2005), «From Belarus with Love» (Киев, 2005), «Сто лі100ў на tut.by» (Минск, 2006), «Świeta nowego rocka» (Вроцлав, 2006), «Бэрлібры» (Минск, 2008), «Несымэтрычныя сны» (Минск, 2010), «Дэжа вю: перавыбранае» (Минск, 2013), «Цягнік Чыкага-Токіё» (Минск, 2016), «Школа травы» (Минск, 2019). Стихи Хадановича переводились на украинский, русский, польский, английский, латышский, литовский, немецкий, словацкий языки. Живёт в Минске.

Чётные числа

Девушка заходит в магазин.
Девушка покупает ромашковый чай,
упаковку с двадцатью одноразовыми пакетиками.
Девушка приносит упаковку домой.
Девушка вынимает пакетики по одному,
ворожит: «Любит. Не любит.
Любит. Не любит. Любит».
Хотя знает, как оно в жизни бывает
с чётными числами. Но что поделаешь?
Ромашковый чай в двадцати пяти пакетиках
снова разобрали другие девушки.

Фантомные радости

Летом осторожно обходить место, где поскользнулся и подвернул ногу в феврале.

Бояться встречи с родным дядей-стоматологом, хотя он уже давно на пенсии.

Жалеть, что библиотека переехала и больше не рядом с твоим факультетом, хотя твой факультет сам давно переехал в здание бывшей партийной школы.

Никогда не петь любимую песню из кинофильма, после которого получил по морде в военном городке в микрорайоне Уручье.

Вспоминать код перед телефонным номером, чтобы позвонить в квартиру, где она давно не живёт, потому что уже не один год живёт вместе с тобой.

Фантомные радости. Настало время, когда от них уже не сбежишь.

Когда ты опаздываешь на электричку, которую сегодня отменили, и знаешь об этом, но всё равно спешишь, рискуя поскользнуться и подвернуть ногу.

Когда ты заговариваешь зубы библиотекарше, обвиняющей тебя в том, что пятый год не возвращаешь книгу, которую никогда не брал, и показывает заполненный твоей рукой формуляр.

Когда, проезжая на метро в сторону микрорайона Уручье, ты пытаешься пробить компостером для льготных талонов пластиковый жетон и понимаешь, что безнадёжно вырос.

Когда прячешься в старой будке телефона-автомата и звонишь оттуда по мобильному.

Звонишь ей.

По её мобильному.

Советская фантастика

Чеславу Милошу

В середине 80-х учительница в нашей школе
больше всего любила завести нам свою вечную
песню о скором конце света
и зверином оскале капитализма.

«В их мире, дети,
всё продаётся и всё покупается.
Даже люди, даже человеческие чувства!

Их семьи, детки, – это узаконенная проституция,
а девушки там просто занимаются этим за деньги.
Только представьте себе – любовь за деньги!»

Мы охотно представляли себе любовь за деньги.

«Такой он, звериный оскал капитализма!
Такие они – продажные девушки!» –
причитала учительница.

«И не только девушки» –
вмешивался продвинутый Юра Гейфман,
а мы в это время старались не думать,
но всё равно думали о нашей соседке Гале
и её зверином оскале.

«А что они делают с природой! –
упорно гнула своё учительница. –

Они нарочно загрязняют
всё, что получили от предков чистым,
чтобы продавать людям
то, что принадлежит им бесплатно.
Читали “Продавец воздуха”?»

Мы с Юрой Гейфманом отвечали: «да».

«Так вот, не знаю, как с воздухом.
это всё-таки советская фантастика,
но уже и в самом деле близок тот час,
когда они будут продавать за деньги воду.
Только представьте себе – обычную чистую воду,
которую мы пьём из крана!»

Мы сразу вспомнили, как за день до этого
Юра Гейфман сломал автомат
и всех угощал бесплатной газировкой без сиропа.
С сиропом Юра тогда почему-то дал маху,
кстати, как и учительница с политинформацией.

А сегодня, покупая обычную воду
во французском супермаркете Carrefour,
я думаю, что все её пророчества,
к сожалению, осуществились,
и повсеместно настал конец света.

И только седой старичок в Carrefour’е
говорит мне, завязывая пакет с помидорами:
«В Париже вода хорошая,
можешь смело пить из крана».

Общество мёртвых поэтов

Приближение кладбища Пер-Лашез
ощущаешь по всё большему количеству
туристических маек с изображением Джима Моррисона.

Французские знаменитости обзавидовались бы,
если бы только были на это способны.

Кстати, придумал же кто-то похоронить
поэта Жерара де Нерваля (1808–1855)
прямо напротив самого знаменитого
французского писателя.
Только представьте: возле вашей могилы
всё время толпятся туристы,
и все как один к вам спиной.
Некоторые даже
спотыкаются о вас, фотографируя.
И только я, чудака, на десять минут

застыл возле любимого поэта
и только потом заметил Бальзака (1799–1850).

Кстати, скажи мне, кто твой сосед по могиле,
и я скажу, кем ты был при жизни.

Так Поль Элюар (1895–1952) тусил с коммунистами
и теперь лежит рядом с генсеком
коммунистической партии Франции
Морисом Терезом (1900–1964).

А Мольер (1622–1673) ни с кем таким не тусил,
и теперь лежит вместе с коллегой по перу,
старательным баснописцем Лафонтеном (1621–1695),
за общей оградой,
будто одна семья.

Мюссе (1810–1857) и Шопен (1810–1849)
не за общей оградой,
а довольно далеко друг от друга,
но в самом оформлении могил
ощущается одна рука.
Подозреваю, женская (1804–1876).

На могиле Аполлинера (1854–1900) – большое сердце
в виде стиха-каллиграммы,
а на Уайльдовой множество сердец,
и все – красным маркером
или губной помадой.

Могила Уайльда (1854–1900) найти легко
по взрывам жизнерадостного смеха,
девичьего и особенно юношеского.
Уайльд со всех сторон огорожен стеклянной стенкой,
защищающей от поклонников,
которые испещрили всё стекло следами помады и надписями.
Заслуживают внимания: «Pleasure to meet you Oscar!» – с сердечком,
«Oscar my favourite dandy» – со звёздочкой
и мой любимый «Oscar te amamos!» – с кубинским флажком.
Самая большая надпись, конечно же, на русском:
«Любви все возрасты покорны!»
Интересно, как выглядела бы на Пер-Лашез могила Цоя (1962–1990)?

Могила Моррисона (1943–1971)
не ограждена стеклом,
но зато там всё время дежурит живой полицейский,
стоит у ближайшего дерева
и время от времени запрещает лепить к нему жвачки,
но дерево всё равно в жвачках, прилепленных к ним монетках
и других скромных подарках.
Самый щедрый оставил бутылку бельгийского пива,
покойся с миром, Джимми!

Над могилой Модильяни (1884–1920) дождь начинается,
а над могилой Эдит Пиаф (1915–1963) заканчивается,
и небо становится голубым.

В могильной плите
Марселя Пруста (1871–1922)
отражаются облака.

Война и мир

Латиноамериканцы
как раз начинали меня бить,
но, увидев его,
разбежались.

И не удивительно: он был на голову выше меня
и, как минимум, вдвое толще,
в маленьких очках,
только подчёркивавших его габариты:
просто-таки Сергей Бондарчук
посреди декораций своего Бородино,
или, скорей, Ватерлоо,
потому что всё происходило именно в Бельгии.

Он почему-то сразу же заговорил со мной по-русски,
будто на мне было написано,
что я знаю, кто такой Бондарчук.

«Напрасно ты с ними разговаривал, – сказал он. –
Эти могли бы и зарезать».
«Если б молчал, – ответил я, –
точно бы зарезали.
Здесь как на зачёте».

«Зачёт, – сказал он. –
Меня зовут Пьер. Как Безухова».
«А меня Андрей. Как Болконского».

Остаток ночи я помню неважно.
«“Трапписты”! – всё время повторял он. –
Лучшее в Брюсселе пиво – это “Трапписты”!
Пойдём, покажу одно место,
платит граф Толстой».

«Так ты не из России?
Из Беларуси? Ещё лучше!
Я там с женой познакомился».
«Я тоже».
«Но моя – японка, представь. Изучали вместе русский,
а выучили... она – французский, а я – японский.

Бальзак и маленькая японка, знаешь кино?
Белорусы, говорит она, – это такие русские,
только со знаком качества».

«Китаянка», – поправил я.
«Кто? Моя жена?»
«Я говорю, Бальзак и маленькая китаянка.
Китайцы – это такие японцы,
только со знаком количества».

Здесь его фильм обрывается,
а мой крутится дальше.
Мы в машине, как в маленьком кинозале:
на заднем сиденье – Чип и Дейл, два героя-бондарчука,
спешат на помощь траппистам,
а жена-японка за рулём занимается прокатом.

Наш передвижной кинотеатр
всё ближе к последней пивоварне,
где самые святые монахи
варят пиво со знаком качества,
которое развязывает языки так,
что изгнанники всех стран
понимают друг друга без субтитров.

Граница

На границе Литвы и Польши,
дня и ночи,
озера и камыша,
ты гребёшь навстречу солнцу,
ловя носом лодки
золотую дорожку
в воде,
где ещё отражается небо –
повсюду, кроме полосы,
где отражается лес.

В лес заплываешь
одним бортом,
а второй
остаётся в небе.
И весло скрывается в деревьях,
а второе весло –
в облаках.

Музей эротики

Чайка с воздушным змеем
высоко над волнами

находят всё новые позы
для воздушного поцелуя.

А я, нахлебавшись
средиземноморской воды,
кричу от души:
«Горько!»

Мульти-пульти

Красивая древняя мечеть,
переделанная из старой пагоды
китайских переселенцев.

«Ми-ми-ми, мой кудлатик,
какой же ты хороший,
ну, скажи мне что-нибудь,
скажи!» – лепечет,
будто ребёнок, счастливый профессор
привязанному поблизости ягнёнку
на языке эсперанто,

а потом:
«Суки, что они делают!» –
ягнёнку как раз перерезали горло.

Профессор целый час молчит,
а потом в знак протеста
срывает яблоко в саду
возле православной,
такой же древней, церкви.

Никто не гонит богохульника из сада,
никто не сжигает молнией
ни церкви, ни мечети.
Никто в последнюю минуту
не заменяет ягнёнка
вегетарианским блюдом.

Октябрь 2014, Кыргызстан

Подсрачник

«Коля, дай подсрачник!» –
кричит маленькая девочка
у тебя за спиной.
Ты даже оборачиваешься.

«Ну дай, пожалуйста, подсрачник!
Дай! Тебе что, жалко?»

«Подсрачник? – переспрашивает Коля
на всякий случай. –
Ну, на!»

И даёт девочке
пластиковое приспособление для катания.

Ровесники твоей дочки
катаются с горки на санках,
а твои представления о родном языке
безнадёжно устарели.

Без ответа

Писательницы со всего мира спорят
об органе, который отвечает
за мужественность мужчины.

- Сердце! – вздыхает романтическая поэтесса.
- Разум! – не соглашается классицистка.
- Желудок! – предлагает натуралистка.
- Кошелёк с деньгами! – утверждает реалистка.
- С кредитками! – уточняет модернистка.
- Х... его знает, – подводит черту постмодернистка.

Редактор вычёркивает два неподходящих слова.
Цензор – третье.

Два часа в резервуаре

В кофейне «Аквариум»
дофигища белорусских интеллектуалов.
Приходить в «Аквариум»
со своим белорусским интеллектуалом –
всё равно, что ехать в Тулу
со своим самоваром
или, скажем, давать на чай
официанткам в «Лондоне»,
где этого чая и так хоть вёдрами черпай.

Интеллектуалы приходят сюда как на работу.
Иногда появляются здесь с утра –
и сидят, сидят: кто в одиночку,
стыдливо испытывая муки творчества,
недоступные простым смертным;
кто по двое, интервьюируя друг друга
(по ходу дела, как на тренировке по единоборствам,
активный и пассивный партнёр меняются местами);
кто по трое – такой себе отряд интеллектуалов с предателем.

Им хорошо гуторить вместе:
белорусский поэт что-то декламирует,
якая напоказ,
гость из Украины натурально **и**кает,
предатель натурально **икает**.

Вокруг большой продуктовый магазин
и просто проходной двор
из метро в «МакДональдс»,
а они, ограждённые стеклом,
не покупают ни гамбургеров,
ни «крувасанов»
(терминология местных продавщиц),
не стоят в очереди к бесплатному туалету –
сидят.

Они – профессиональные белорусские интеллектуалы,
образцово-показательные экспонаты,
выставленные в витрине,
аквариумные создания,
ну чем не золотые рыбки,
разве что не исполняют желаний
окружающих минчан и гостей столицы.

Устав от ударной работы, они засыпают –
прямо за своими рабочими столиками.
Возможно, им снятся
красавицы с плавниками и жабрами,
что вяло дрейфуют в четырёх стеклянных стенках,
а во снах видят себя
белорусскими интеллектуалами
из кофейни «Аквариум».